

А.А. ЮНАКОВСКАЯ

(Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
г. Омск, Россия)

УДК 81.161.1'373/2
ББК Ш141.12-316

ФУНКЦИИ ГОРОДСКОЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ Г. ОМСКА)

Аннотация: В статье рассматриваются способы образования единиц, употребляемых жителями г. Омска. Материалом для исследования служат собранные в границах города производные слова. Основная цель исследования – выделить словообразовательные функции, используемые массовым носителем языка города, и средства, употребляемые для их проявления. Рассмотрение производных позволяет выделить основные тенденции словообразовательной деятельности жителей города.

Ключевые слова: «язык города», разговорное городское словообразование, словообразовательные функции и средства, словообразовательная деятельность жителей города.

Собираемый в границах г. Омска в течение 25 лет разговорный материал позволяет сделать некоторые наблюдения над реализацией общерусского словообразовательного фонда в устных разновидностях городской речи, социолектах конца XX – начала XXI вв.

В результате *коллективной номинации* (т-н Е.А. Земской) окружающей человека городской действительности «проявляются» словообразовательные предпочтения, отражающие закономерности речевой деятельности жителей конкретного города. В ней представлены *словообразовательные функции* (т-н Е.А. Земской). Это:

Собственно номинативное словообразование, в результате которого «производное создается для наименования реалии, часто новой, или для переименования старой – предмета, действия, признака» [Земская 2007: 8].

В городской разговорной речи для него характерно:

I. Образование производных слов на основе использования словообразовательных средств. Это:

1. Создание имен существительных от глаголов с помощью

а) суффиксов – *ив(о)*, *-ев(о)*, *-ив(о)/-и(л)ов(о)* (а) *гоніво* 'ложь, обман' (мол.) (от мол. *гнать* 'обманывать'), *тóчиво* 'пища' (мол.) (от мол. *точить* 'есть') и т.п., б) *лечево* 'ложь, обман' (мол.) (от мол. *лечить* 'обманывать'), *палёво* 'неудача' (мол.) (от угол. *спалиться* 'попа-

стья') и т.п. в) *винтілово* 'массовое задержание' (мол.) (от *винтити* 'убегать'), *горбілово* 'работа' (воров.) (от *горбатиться* 'заниматься тяжелым трудом') и т.п.);

б) суффикса *-л(о)* (*буділо* 'будильник' (мол.) (от *будить*), *долбіло* 'программа-прозвонщик' (комп.) (от прост. *долбить*), *грызло* 'рот' (от *грызть*) (воров.), *пихло* 'двигатель автомобиля' (автожарг.) (от разг. *пихнуть*), *пыжло* 'человека атлетического сложения' (мол.) (от разг. *пыжиться* 'стараться изо всех сил сделать что-либо');

в) суффикса *-л(а)* (*води́ла* (прост., автожарг. (от *водить*)), *рулі́ла* 'водитель' (автожарг. (от *рулить*), *кида́ла* 'мошенник' (воров. (от *кидать* 'обманывать')), *лепи́ла* 'врач' (воров.), *недри́ла* 'непорядочный человек' (мол.) и т.п. (ср. общеупотр. *подпева́ла* 'тот, кто поддерживает к.-л. из корыстных соображений' от *подпевать*) и т.п.).

2. Активизация использования суффикса *-ня* при обозначении помещения (*карпо́вня* 'место сбора опустившихся людей' (от *карп* 'опустившийся человек, бомж'), *козля́тня*, *мента́рня* 'отделение милиции (от *мент*)', *понча́рня* 'место приема пончиков' и т.п. (от имен)), *еда́льня* 'место приема пищи (еды)', *стира́льня* 'место для стирки' и т.п. (от глаголов) и т.п.) (ср. *кофе́йня* 'кафе', *харчевня* 'столовая, кафе, ресторан, закусочная' от *харч* 'еда').

3. Образование рядов имен существительных по существующей модели (а) *корефа́н* 'близкий друг' (воров.) – *дружба́н*, *калифа́н*, *брата́н* и т.п. 'друг' (мол.), б) *обща́га* 'общежитие' (прост., мол.) – *барага* 'общежитие' (мол.), *профила́га* 'профилакторий' (мол.), *распола́га* 'жилое расположение' (воен.), *уча́га* 'учебное заведение' и т.п.) и т.п.

4. Сложение слов как из русских (*блат-хата* 'место сбора или проведения определенных мероприятий', *гон-компания* 'объединение людей по интересам', *драп-хохотунчик* 'немодное пальто, не согревающее владельца' (прост.) и т.п.), так и заимствованных составляющих (*бой-френд* (*бойфренд*) 'молодой человек для проведения времени', 'мужчина, временно исполняющий обязанности мужа' (*boy* 'молодой человек', *friend* 'друг, приятель'), *герл-френд* (*герлфренд*) 'подруга, возлюбленная, с которой юноша или мужчина находится в дружеских, сексуальных отношениях, не вступая в брак' (*girl* 'девушка') (ср. русск. *бой-баба*, *бой-девка*) и т.п.).

Анализ собранного материала позволил выделить ряд моделей и суффиксов, используемый при образовании единиц городской речи. Это малопродуктивные и непродуктивные суффиксы общерусского языка при обозначении тех или иных показателей человека. Мертвым назван суффикс *-в(о)* с его вариантами *-ив(о)*, *-ев(о)*, *-ов(о)* со значением объекта и орудия действия, реже продукта действия подает «слабые

признаки жизни» [Виноградов 1972: 108], вымирающим является суффикс *-н(я)* с собирательным значением и для обозначения помещения [Виноградов 1972: 111] и т.п. В случае образования происходит «актуализация словообразовательной структуры» (т-н Е.А. Земской [2007: 167]), становятся востребованными «исконно русские суффиксы», которые раскрывают «нереализованные потенциалы русского языка» [Араева 2009: 94].

При образовании «новых» разговорных единиц прежде всего наблюдается: а) объединение «несовмещаемых» в литературном языке по тем или иным причинам элементов русского языка (*Бабáстая* 'глупая женщина' (ср. *грудастая, носастая, ушастая* и т.п.), *чатлáне* 'общающиеся в *чате*' + (л)ан(е) (ср. *земляне* 'жители земли', *братчáне* 'жители Братска', *куряне* 'жители Курска') и т.п.), б) создание неожиданного значения у производной единицы (*ёльник* 'рот', *подкидьши* 'тот, кто подвозит пассажиров, подкидывает' и т.п.), в) междусловные наложения (т-н Е.А. Земской) (*бáбсы* 'доллары' (*бабки* + *баксы*), *лох-мандéй* 'хитрый человек с внешностью простака' (*лох*+*ман*/мэн+ *прохиндей*) и т.п., г) слияние на основе словосочетаний (*гусегóн* 'обманщик' (от *Гнать гусей* 'обманывать'), *жаргóн* 'аспирин' (от *Жар гнать*) и т.п.).

В разговорной сфере также происходит «освоение» заимствованных единиц в городской речи: *А́нкл-бе́нс* 'негр', *поп-ко́рн* 'популярная музыка' (муз.), *фазéнда* 'дачный участок', *бо́йзы* 'мальчики', *герла́* 'девочка, девушка', *лаки* 'везунчик, удачливый человек', *па́ти* 'вечеринка', *шу́зы* 'обувь, ботинки, туфли' и т.п. Заимствования помимо сохранения исконной формы также попадают под влияние русского разговорного словообразования (*захóлдить* 'оставить файл для адресата' (от англ. *hold* 'хранить'), *ко́ка-ко́листый* 'самый модный', *формат-ну́ть* 'отформатировать', *ха́кнуть* 'сломать компьютерную программу' (от англ. *hack* 'разрубать'), *чу́па-чу́пный* 'простой' и т.п.).

Наблюдается в т.ч. создание производных с помощью совмещения а) русских корней и *вымышленных* или *нерусских* суффиксов (*бандо́с* 'бандит', *бредо́то* 'бред', *досвидо́с* 'до свидания', *попадо́с* 'неприятное положение' (от *попасть* 'оказаться в неприятной ситуации'), *каба́нчо* 'столовая' (ср. *каба́к* → *кабачи́на* 'ресторан'), б) русского и иноязычного корней (*кобелье́ро* 'любитель женщин' (от *кобель* + *кабалье́ро* (исп. *caballero* 'всадник', 'рыцарь' и т.п.).

II. Наполнения «старых» слов новой семантикой (т-н Л.А. Араевой [2009]). Это: *Единицы-реликты*, а) формирующие новые смыслы (*га́чи* 'обувь' (← *гачи* 'брюки' ← *гачи* 'ляжки' (диал.)), *кузово́к* 'сумка' (← *кузовок* 'короб из лыка или бересты'), *фря́* 'человек, думающий преж-

де всего о своей внешности' (← *фря* 'важная особа' и т.п.), б) развивающих традиционные понятия (*ассигна́ции* 'деньги' (← *ассигнация* 'бумажный денежный билет' с 1704 г.), *букли* 'волосы' (← *букли* 'локны' (устар.)), *графьё* 'состоятельные люди' (← *граф* 'дворянский титул'), *империа́л* '15 рублей' (← *империа́л* 'русская золотая монета в 10 рублей, с 1897 г. – в 15 рублей'), *институ́тка* 'студентка вуза' (← *институтка* 'воспитанница, ученица закрытого женского среднего учебного заведения для детей дворян'), *Ка́тенька*, *Ка́тька* '100 рублей' (← царские сторублевые купюры с портретом Екатерины II), *мастеровой* 'хороший работник, руководитель в рабочем коллективе' (← *мастеровой* 'фабрично-заводской работник, ремесленник'), *мешо́чник* 'продавец вещей на оптовом рынке, занимающийся их перевозкой' (← *мешочник* 'человек, занимающийся скупкой, перевозкой и перепродажей продуктов питания' (после революции 1917 г.)), *ура́дник* 'милиционер' (← *урядник* 'в царской России: нижний чин уездной полиции'), *ямщи́чить* 'заниматься частным извозом' (← *ямщик* 'кучер на ямских лошадях') и т.п.

Компрессивное словообразование, которое «служит целям сокращения уже имеющихся в языке номинативных единиц. Оно включает разного рода сокращенные номинации» [Земская 2007: 9]. Они образуются с помощью усечения и грамматического оформления (*би́жа* 'бижутерия' (дизайнер.), *ефр* 'ефрейтор' (воен.), *коменда* 'женщина-комендант в общежитии', *комп* 'компьютер', *ко́нса* 'консерватория' (мол.), *и́нфа* 'информация' (мол.), *сига* 'сигарета' (мол.), *сюр* 'нечто необычное' и т.п.), сложносокращенного способа (*автострада* 'площадка для построения солдат, центральный проход в казарме, коридор' (воен.), *жмуркоманда* 'оркестр, играющий на похоронах' (муз.), *межгород* 'междугородняя телефонная связь', *сисадмин* 'системный администратор' и т.п.), аббревиации (*БИЧ* 'бывший интеллигентный человек', *БОМЖ* '(человек) без определенного места жительства', *ЖД* 'железнодорожный вокзал', *КБ* 'голова' (от КБ 'конструкторское бюро') (мол.) и т.п.)

Экспрессивное словообразование, при использовании которого «производное создается для выражения субъективного отношения говорящего, его оценки по отношению к тому, что именуется, или к адресу речи, его микромиру...» [Земская 2007: 9].

В разговорном городском фонде помимо номинаций окружающей действительности представлены антропообразования, в которых отражается восприятие человеком «другого». При этом для разговорных городских разновидностей характерна экспрессивная оценочность, которая формируется в словообразовательными средствами для пере-

дачи субъективно-группового отношения.

При проявлении данной функции возможно использование уже существующих в речи номинаций для усиления существующего значения, который происходит за счет а) присоединения экспрессивного суффикса (*ментя́га* 'милиционер' (от *мент*), *фашистю́га* 'злобный, агрессивный человек', 'сторонник правых взглядов' (от *фаши́ст*) и т.п., б) замены нейтрального суффикса на экспрессивный (*аферю́га* 'юрист, адвокат' (от *аферист* 'человек, занимающийся аферами'), *журналю́га* 'недобросовестный, беспринципный журналист').

При данном «взгляде» на «другого» наблюдается преобладание отрицательных характеристик человека. Основанием для порицания чаще всего является отнесение его к зоне «чужой»: объектом оценки становятся нравственные, умственные и профессиональные и т.п. качества человека.

В «общем» корпусе эмоционально-оценочных единиц, отражающих представление человека о себе и других, существует а) «технический» подход (*диск Д*, *системный блок* 'голова', *монитор* 'лицо', *фа́ры* 'глаза', *рубильник* 'нос', *локáторы*, *нау́шники* 'уши', *кува́лда* 'большой кулак', *колёса*, *поршни* 'ноги', *разва́л схождения* 'кривые ноги' и т.п.), б) «природный» взгляд (*ко́ряга*, *пенёк*, *пе́рец* 'человек', *ранетка*, *ты́ква* 'голова', *ботва́* 'волосы', *ду́пло* 'рот', *быве́нь*, *клык* 'зуб', *клюв* 'нос', *грибы́* 'губы', *лопухи́* 'уши', *кочеры́жки*, *крыло́*, *пру́тики* 'руки', *ла́сты* 'ноги' и т.п.) и т.п. При этом как в «старых» единицах, так и вновь образованных наблюдается метафоризация с внесением дополнительного оценочного значения. Ее источником являются реалии окружающей человека действительности и хорошо ему известные предметы. Наблюдается персонификация/олицетворение окружающей человека действительности с использованием моделей «явления природы → части тела человека», «технические предметы и их части → части тела человека».

«Игровое» словообразование (термин Е.А. Земской [2007: 186]), которое ведет к возникновению номинаций особого типа с использованием различных словообразовательных средств для создания речевых эффектов. Для формирования слоя номинаций, совпадающих фонетически или близких к уже существующим единицам, но имеющих «свое» разговорное значение, используется несколько приемов «переименования» и «переделки». Это: а) дисфемизм (замена эмоционально и стилистически нейтрального значения более грубым, пренебрежительным [ЛЭС 1990: 590]) (*ба́ня*, *деканáт*, *Кремль*, *мавзоле́й*, *о́фис* 'общественный туалет', *кишка́* 'любитель поесть' и т.п.) (происходит пейоративное переименование), б) гиперболизация (любое чрезмерное преувели-

чение) (*амбар* 'рот' (мол.), *бівень* 'зуб' (мол.), *бомбово́з* 'муха' (прост.), *ведро́* 'желудок' (мол.), *вертолёт* 'комар' (мол.), *мартён* 'газовая или электрическая плита', *мустанг* 'блоха, вошь' и т.п.) (представлена «перевернутость» окружающего человека реального мира), в) гротескно-комическое «переименование» исходного образа (т.н. травести) (*дворя́нн* 'бродяга, бомж, живущий во дворах', *коммуни́ст* 'плохой человек', *косто́рв* 'драчун', *но́белевский тупи́к* 'плохо сообщающий человек' и т.п.), г) использование известных фамилий по фонетической ассоциации (т.н. М.А. Кронгауза [2009: 111]) в оценочно-нарицательном смысле (*Борма́н* 'хитрый человек', *Достоёвский* 'надоедливый человек', (*погоня́ть*) *Чайко́вского* 'пригласить на чай' и т.п.), д) придание словам формы фамилий (с помощью типичных суффиксов или иных стандартных компонентов фамилий, созданных на основе какого-л. признака) (термин М.А. Кронгауза [2009: 111]) (*Готто́вченко*, *Кривко́* 'пьяный человек', *Кобри́нский* 'человек с плохим характером', *Панико́вич* 'человек, легко поддающийся панике', (*дави́ть*) *Храпа́вицкого* 'спать, храпеть' и т.п.), е) намеренное понижение своего статуса в полуофициальных ситуациях (*команди́р*, *шеф* 'водитель такси', *дире́ктор* 'кондуктор' и т.п.) и т.п. Данный пласт вторичных номинаций обладает такими показателями, как *конкретизация* и *эмоциональная окрашенность* [Кронгауз 2009: 112], которые создаются на основе «перевода» в свою социально-групповую сферу номинации и понятия, стоящего за ним.

Итак, анализируя речь жителей города, можно говорить как о сохранении ряда первичных понятий, так о пересмотре фрагментов городской картины мира и их переименовании. При активном «социальном словообразовании» (т.н. Е.А. Земской) наблюдается использование периферийных словообразовательных элементов из упорядоченной устойчивой системы русского словообразования, которые не характерны для ряда моделей. В результате формируется номинация, которая выглядит как случайная аномалия, противостоящая аналогии «нормативного» языка. Происходит также процесс «возврата» единиц из разных исторических периодов в существующую в настоящее время речевую практику, наполнение «старых» слов с новой семантикой, обыгрывание уже существующих единиц.

Таким образом, можно говорить о том, что исследование «языка города» как результата речевой деятельности жителей города возможно со словообразовательной точки зрения.

ЛИТЕРАТУРА

Араева Л.А. Деривационная система повседневности XXI века: хаос – или ассоциативный взрыв устоявшихся стереотипов // Славянские языки и культу-

ры в современном мире. – М.: МГУ, 2009. – С. 93-94.

Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. – М., 1972.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского словаря: В 4-х т. – М.: ТЕРРА, 1994 (СлД).

Земская Е.А. Словообразование как деятельность. Изд. 3-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007.

Земская Е.А. Игровое словообразование // Язык в движении: к 70-летию Л.П. Крысина. – М., 2007. – С. 186-193.

Кронгауз М.А. Игровой механизм выбора вторичной номинации // Славянские языки и культуры в современном мире. – М.: МГУ, 2009. – С. 111-112.

Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990 (ЛЭС).

© Юнаковская А.А., 2014